

Veski and E. Muuk, or J. Aavik in coining new words. The orthographic-orthoepeal dictionaries compiled by J. V. Veski and E. Muuk present the words *mau:maui* 'puffy', which must be pronounced as [maüwi], although one firm rule of Estonian states that [w] does not occur before *i*. J. Aavik has proposed the artificially coined verb *juuvima* 'to accept', which contradicts the phonological rule forbidding *uuv*-sequences in word stems. Too great activity in the creation of new words may slip out of control. Tauli suggests several methods of coining new words freely (resp. artificially) by means of combining or altering sounds (pp. 135—140; cf. Introduction, pp. 103—108), but he does not touch upon the dangers inherent in these methods.

In Estonian language normalization work two controversial leading ideas have played a role: naïve purism and too rigid reliance on the etymological principle. We can only join Tauli in condemning both of these tendencies.

Against the background of Tauli's theoretical postulates some other problems of Estonian normalized grammars become more evident. Thus, Tauli states that an arbitrary distinction between synonyms is harmful (p. 110; cf. Introduction, p. 81); Estonian normalizers have sought to introduce many such distinctions. The latter include differentiation of *järgi* 'according to' and *järele* 'after, behind', which in careless or non-normalized speech are still used in both meanings:

The meaning and usage shift is dealt with by Tauli very instructively (pp. 110—112; cf. Introduction, p. 81). The Estonian grammarians cannot accept the fact that

semantic identity levels the distribution of such adjectives as *taoline*, *säärane*, *selline* 'such'. The meaning shift is a natural phenomenon and it occurs nowadays as well as in the past. Usually grammarians adopt only forgotten meaning shifts. There are other cases of meaning and usage shift in contemporary Estonian which must wait for recognition (the conjunction *kuna* 'while' → 'while' and 'whereas', *omistama* 'to attach; to ascribe' → 'to give; to ascribe'). Tauli remarks: "If a meaning shift has become general, one has to accept it" (p. 111; cf. Introduction, p. 82). This is the only reasonable standpoint.

Some other specific observations in this book deserve to be noted and sometimes supplemented.

The transliteration problems touched upon in the book (p. 167 ff.) have been discussed in Estonia in recent years (by T.-R. Viitso, M. Hint and others) proceeding from the same rational principles which underlie Tauli's treatment.

It should be emphasized once again that Tauli's approach is characterized by undivided sympathy with freedom in linguistic convictions and by tolerance of different opinions.

V. Tauli has done more than anybody else for the benefit of the Estonian language planning theory. His contribution to general language planning theory is remarkable. It is clear that not all his postulates and suggestions are practically or tactically realizable. Nevertheless, even his non-practical standpoints should not be ignored.

MATI HINT (Tallinn)

<https://doi.org/10.3176/lu.1971.3.11>

Károly Rédei, *Die syrjänischen Lehnwörter im Wogulischen*. Budapest 1970. 195 стр.

Рецензируемая работа¹ состоит из двух основных разделов: фонология заимствований (стр. 15—60) и перечень заимствованных слов (стр. 70—179). Кроме того,

¹ Данная работа представляет собой докторскую диссертацию, защищенную К. Редеем в 1967 г. в Институте языкознания Венгерской Академии наук. Автор рецензии был одним из официальных оппонентов при защите диссертации.

дан ряд небольших глав, посвященных разным проблемам данной темы, как-то: критерии установления заимствований (стр. 13—14), история соприкосновений манси и коми (стр. 68—77), классификация заимствований по значениям (стр. 81—89) и т. д.

Работа К. Редеем является первой монографией, посвященной проблеме заимствований из коми языка в мансийский.

Правда, этого вопроса попутно касались исследователи и раньше², но лишь в процессе рассмотрения других проблем, не подвергая специальному анализу коми заимствования мансийского языка.

Задачей К. Реден было осветить все основные вопросы, связанные с влиянием коми языка на мансийский. Написанию работы предшествовало длительное изучение автором коми и мансийского языков. На пути исследователя было много трудностей. Одна из этих трудностей — выделение в заимствованиях пластов хронологического характера. Коми и манси — родственные народы, после отделения от пранарода они жили (и теперь живут) друг возле друга и соприкасались друг с другом в течение многих веков. Поэтому нелегко установить, какие слова в мансийском языке унаследованы от финно-угорского праязыка, какие заимствованы и как давно произошло заимствование.

Реден удалось успешно решить эту задачу путем глубокого сравнительно-исторического анализа фактического материала. Он оперирует 346 коми заимствованиями, встречающимися в мансийском языке, подробно рассматривает их с фонологической, морфологической и семантической точек зрения, выясняет исторические основы соприкосновения двух народов, а также устанавливает культурно-исторические пласты, вытекающие из заимствований.

Автор выделяет хронологические пласты, ориентируясь на степень распространенности заимствования и его фонетический облик: если заимствованное слово широко распространено в мансийских диалектах и между диалектными вариантами наблюдаются закономерные звуковые соответствия, позволяющие реконструировать прамансийский звук, и если в заимствованиях встречается более архаичный звук, такое заимствованное слово является

более архаичным. Например, те заимствования, в которых пракоми **q* передано через праманс. **ü* или **ÿ*, древнее (манс. *tujt* < общекоми **dojd* 'сани'), чем те, в которых пракоми **q* субституируется манс. *ü* (*küraš* < коми *koreš* < **kqreš* 'веник'); другой пример: в древнем пласте заимствований пракоми **ö* передается праманс. **ü* (коми **ömiž* 'малина', коми **öška* 'бык'); в новом пласте коми *e* (< **ö*) субституируется гласным, происходящим из праманс. **i* (коми *męs* 'корова' > манс. *mis*, коми *petęs* 'сытный' > манс. *pitas*), эти заимствования проникли в мансийский язык, когда коми **ö* > *e*, т. е. произошла делабиализация. Пользуясь этим фонетическим критерием, К. Реден успешно выделяет в заимствованиях пласты хронологического характера.

Заимствования проливают свет на многие явления исторической фонетики коми языка. Например, они свидетельствуют о том, что в начальный период контакта коми народа с мансийцами в коми языке имелся еще лабиализованный **ö* (> современное *e*), который сохранился только в коми-язвинском, вишерском и восточно-вычегодском говорах, в остальных же говорах коми языка он делабиализировался. Другой лабиальный гласный (**ü*), встречающийся в вишерском и восточно-вычегодском диалектах, в рассматриваемых заимствованиях уже не получил отражения. В коми-язвинском диалекте этот гласный перешел в *ø*, а в остальных говорах коми языка — в *i*. Рассматриваемые заимствования указывают на то, что делабиализация **ü* (**ü* > *i*, *ø*) произошла раньше, чем **ö* > *e*.

В коми заимствованиях мансийского языка отразились также закрытый и открытый *e* (*e* и *ę*): пракоми **e* > праманс. **i* (например, коми *leččini* 'спуститься', *med* 'наем', *šedni* 'попасться' — в этих словах *e* < пракоми **e*); пракоми **e* > праманс. **ę* (например, коми *megir* 'дуга', *šermed* 'узда', *bergavni* 'вертеться' — в этих словах *e* < пракоми **e*).

В некоторых коми словах — следствие отсутствия их в ключевых диалектах

² Напр., А. Ahlqvist, Über die Kulturwörter der Obisch-ugrischen Sprachen. — JSFOu VIII 1890, стр. 1—22; А. K a n n i s t o, Das Publikationsprogramm der Finnisch-ugrischen Gesellschaft. — JSFOu XLVI, 3 1933, стр. 12—31; D. R. F o k o s - F u c h s, Aus dem Gebiete der Lehnbeziehungen. — ALHung. III 1953, стр. 211—289; Y. H. T o i v o n e n, Über die syrjänschen Lehnwörter im Ostjakischen. — FUF XXXII 1956, стр. 1—169 и др.

— мы не можем восстановить гласный пракоми языка. В этих случаях заимствования оказывают существенную помощь, поскольку в них отразились звуки более раннего периода развития языка. Так, только на основании заимствований мы можем определить прежнее качество гласных следующих слов: *ojim* 'полая вода', *ol* 'сырое место', *lqs* 'сырой луг', *şokır* 'мерин', *şortni* 'репа' (стр. 38); *jem-don* 'сталь', *ber* 'шест', *peğ* 'старый', *şeva* 'порча (о кликушах)', *şereg* 'угол', *şep* 'карман', уд. *şemžer* 'утка' (стр. 47).

Интересно отметить круг слов из области хозяйства и культуры, перешедших из коми языка в мансийский. Они дают представление о том, в чем выразилось влияние коми народа на мансийцев. В рецензируемой книге этому вопросу посвящены стр. 81—89.

В заимствованиях видное место занимают названия предметов материальной культуры, как-то: жилище и его части — окно, чердак, печка, хлев, лавица (длинная скамья в избе, возле стены), стол, стул, колодец, замок; посуда и утварь — кринка, ковши, подойница, лопата; одежда и обувь — штаны, карман, охотничий плащ, коты (вид обуви), шелк, сукно, портянки; прочие предметы материальной культуры — сани, салазки, дуга, точильный брусок, пещня, ружье, веник, мыло,

изгородь, охотничья кладовая. Пища: квас, колобок, перец, сметана, хлеб, каша, шаньга (ватрушка), пиво, толокно, малина, земляника. Сельское хозяйство: бык, корова, овца, свинья, мерин, грива, узда, курица, горох, рожь, лен, репа. Металлы: золото, медь, сталь. Религия и мифология: черт, леший, дух-двойник, порча (о кликушах), молиться, крест (нательный), пост, дьякон (Редеи последнее слово считает русским заимствованием, с чем нельзя согласиться, так как манс. *jakəp* представляет собой точную копию коми *jakəp*; кроме того, мансийцы с христианской терминологией познакомились через коми в XV—XVI вв., а с русскими в Сибири они встретились значительно позже). Прочие заимствования: счет, мера, наем, налог, книга, сказка, князь, богатый, бедный, рубль, кукла и т. д.

В заключение следует отметить, что исследование К. Редеи имеет большое значение не только для исторической фонетики и лексики коми и мансийского языков, но и в целом для финно-угорского языкознания. Оно полезно также для лингвистов по общему языкознанию, для историков и этнографов, для всех тех, кто интересуется вопросами взаимовлияния языков, историей культуры вообще и историей финно-угорских народов в частности.

В. И. ЛЫТКИН (Москва)

Некоторые вопросы урало-алтайского языкознания (= Ученые записки Башкирского государственного университета имени 40-летия Октября, вып. 42, серия филологических наук, № 15 (19)), Уфа 1970. 67 стр.

Уже в XVIII веке шведский исследователь Ф. Страленберг выдвинул теорию о генетическом родстве уральских и алтайских языков. Однако в конце прошлого века, с применением сравнительно-исторического метода исследования родственных языков, генетическое родство уральских и алтайских языков было поставлено под сомнение. В настоящее время часть языковедов считает, что уральские и алтайские языки имеют лишь типологическое сходство и не являются генетически родственными. Другие же, в том числе сотрудники кафедры башкирского языкознания Башкирского государственного универси-

тета, вновь поднимают вопрос о генетическом родстве указанных групп языков.

Расхождение в мнениях свидетельствует о том, что вопросы родства алтайских и уральских языков до сих пор изучены недостаточно. Очевидно, для окончательного решения данной проблемы необходимы интенсивные исследования. В этом свете известный интерес представляет рецензируемый сборник, составленный Дж. Г. Киекбаевым.

Сборник открывает статья Дж. Г. Киекбаева «К вопросу о родстве урало-алтайских языков», представляющая собой вводную часть программы курса «Введе-